

ВВЕДЕНИЕ

Отечественные британисты, изучающие историю XV века, часто вспоминают слова академика Е. А. Косминского об этом столетии как «белом пятне в аграрной историографии Англии»¹. За прошедшие десятилетия ситуация изменилась, однако не кардинально. Фундаментальные труды о процессах, происходивших в английской деревне, подобные тем, в которых рассматривалась история XIII–XIV вв. или XVI–XVII вв., пока не созданы, хотя трансформация поземельных отношений была стержнем развития всех позднесредневековых обществ Европы. Как и все европейские государства, Англия того времени переживала «осень Средневековья» со всеми ее противоречиями, прорывами и трагедиями.

Общим фоном этого периода была эпизодически повторяющаяся эпидемия чумы — в 1348–1485 гг. она вспыхивала в этой стране не менее 30 раз, причем в 12 случаях приобретала общенациональные масштабы². Существует немало теорий о связи чумы с упадком домениального хозяйства и развитием городов. В самих городах изменения охватили основной сектор экономики — производство и торговлю шерстью, которые вытеснились изготовлением и продажей сукна (особенно в Восточной Англии).

Эти структурные изменения сопровождались распространением раннекапиталистических форм производства (раздача сырья и скупка готовой продукции, капиталистическая кооперация, рассеянная мануфактура). Начался переход к новому

¹ Косминский Е. А. Вопросы аграрной истории Англии в XV веке // Вопросы истории, 1948, № 1. С. 59.

² Platt C. The English Medieval Town. London; New York, 1979. P. 120.

социально-экономическому укладу. При этом к середине столетия остро ощущалась нехватка благородных металлов, что в глобальном масштабе послужило одной из причин великих географических открытий (уже в конце XV в. из Англии к берегам Северной Америки совершил три плавания Джон Кабот), а в национальном — привела к кризису финансовой системы государства.

Экономические изменения порождали ломку прежней социальной структуры. В XV веке в основном исчезла личная зависимость крестьянства, но начались огораживания, и все более активным становилось обезземеливание. Одним из самых заметных явлений столетия стало возрастание роли мелкого и среднего дворянства, позднее названного джентри, во всех сферах жизни общества.

В политической жизни XV века в истории Англии стал свидетелем столкновения двух тенденций. В первой его половине более заметно усиление «демократических» институтов и ограничение королевской власти. При Ланкастерах возросла роль парламента, а рост народного влияния выразился в том, что в обвинениях политических оппонентов возрождались требования повстанцев Джека Кэда. Эти веяния по достоинству оценил и теоретически сформулировал в своих трудах юрист Джон Фортескью (кстати, один из «героев» данного исследования). Однако в правления Эдуарда IV и Генриха VII усилилась другая тенденция — в Англии формировалась абсолютная монархия.

Не менее значительные перемены происходили и в духовной сфере. XV век в Англии — начало эпохи гуманизма, родоначальником которой стал поэт Джейфри Чосер (1343–1400); его творчество как основоположника английской национальной литературы и литературного английского языка предвосхитило, в частности, литературу английского Возрождения и определило ее дальнейшее развитие. Большое покровительство сначала итальянским, а потом и собственно английским гуманистам оказывали представители политической элиты, такие как Хамфри герцог Глостер и Джон Типтофт граф Вустер.

Итак, XV столетие было эпохой изменений во всех сферах. И, конечно же, огромное влияние на общество оказывали не прекращавшиеся войны. Крупнейшим международным позднесредневековым конфликтом была Столетняя война (о ней, как

известно, современники ничего не подозревали, для них это была серия англо-французских конфликтов), которая лишь условно завершилась с потерей Бордо в 1453 г. Поход Эдуарда IV во Францию в 1475 г. был прямым продолжением этого противостояния.

Во многих европейских государствах XV века также происходили внутренние войны. В Англии она разразилась во второй половине столетия. Социально-политический конфликт в Англии второй половины XV в. вошел в историю как «Войны Роз», или, как часто принято называть его в отечественной историографии, Войны Алой и Белой розы. Эти войны стали переломным моментом истории английского общества, гранью эпохи между поздним Средневековьем и ранним Новым временем. Именно так этот период истории воспринимается многими британскими медиевистами. Характерно, например, что значительное количество исследований больших по хронологическому охвату исторических эпох, верхней или нижней границей рассматривает именно Войны Роз¹.

Более чем за 500 лет «Войны Роз» стали не только частью исторической памяти, но и элементом массовой культуры. Начало этому положил Уильям Шекспир драмами «Генрих VI» (в 3 частях) и «Ричард III»². Однако само определение конфликта, ассоциирующееся с розами как символами двух враждущих династий, закрепилось лишь в XIX в., в эпоху романтизма, благодаря литературному таланту сэра Вальтера Скотта, использовавшему этот образ в опубликованном в 1829 г. романе «Анна Гейернштейнская, дева Мрака» (в русском переводе «Карл Смелый»).

¹ *Stubbs W. The Constitutional History of England in Its Origin and Development. Vol. 3. Oxford, 1903; Oman C. England and the Hundred Years War 1327–1485. London, 1898; Oman C. The History of England. From the Accession of Richard II to the Death of Richard III (1377–1485). London, 1906; Jones W. G. York and Lancaster (1399–1485). London, 1914; Mackie J. D. The Earlier Tudors, 1485–1558. Oxford, 1952; Jacob E. F. The Fifteenth Century. 1399–1485. Oxford, 1961; English Historical Documents. Vol. 4. 1327–1485 / ed. by A. R. Myers. London, 1969; Keen M. English Society in the Later Middle Ages. 1348–1450. London, 1990.*

² Они же стали кульминацией формирования так называемой «черной легенды» Тюдоров, о чём речь пойдет в первой главе.

Еще большее значение для популяризации Войн Роз как времени кровавого хаоса имела «Черная стрела» Р. Л. Стивенсона (1888). С тех пор история противостояния Ланкастеров и Йорков становится коммерчески привлекательным «проектом», свидетельство чему — целая чреда авторов, обращавшихся к ее событиям в художественных произведениях в XX и XXI веках.

К их числу принадлежат «Дочь времени» Джозефины Тэй (1951), «Тюдоровская роза» Маргарет Барнс (1953), «Мы не говорим об измене» Розмари Джарман (1971), «Убийцы Ричарда III» Элизабет Петерс (1974), «Подкидыши» Синтии Хэррод-Иглз (1980), «Жена ювелира», «Алая роза Анжу» и «Обреченная на корону» Виктории Холт (1950, 1982, 1990), «Солнце в славе» Шэрон Пемен (1982), цикл «Обреченная с розой» Симоны Вилар (1994), «Турнир времени» Элайн Элфин (1994), «Белый вепрь» Мэрион Палмер (1997), «Короли Альбиона» Джулиана Рэтбоуна (2000), «Я, Ричард» Элизабет Джордж (2002), «Придворная дама» Юнис Уормалд (2006), «Роза за корону», «Дочь Йорка», «Королевская милость», «Королева по праву» и «Возлюбленная короля» Энн Истер Смит (2006–2013), «Леди Роз» Санды Уарт (2008), «Невинная вдова» Анны О'Брайен (2010), серия из шести произведений «Война кузенов» Филиппы Грегори (2009–2014), «Ричард III. Последний Плантагенет» С. А. Кузнецовой (2016), тетralогия «Войны Роз» Конна Иггульдена (2013–2016), «Когти времени» Джэсона Чарльза (2017).

По признанию популярнейшего современного автора фэнтези Джорджа Мартина, события Войн Роз стали для него одним из основных источников вдохновения «Игры Престолов» (1996) и последовавшего цикла «Песнь Льда и Пламени» (не завершен), персонажи и события которого действительно вызывают немало ассоциаций с английской историей второй половины XV в.

Не вдаваясь в оценку литературных достоинств перечисленных произведений, которые очень сильно разнятся, отметим, что обычно в центре их внимания находится конкретная личность в ее сложных взаимоотношениях с обществом. Излюбленными персонажами романов являются дамы из аристократической среды (видимо, неслучайно большинство авторов — женщины) и Ричард III, личность которого вызывала и вызывает бурю эмоций даже у профессиональных историков.

За последние сто лет некоторые произведения были экранизированы, и даже неоднократно. Более всего повезло пьесам Шекспира и «Черной стрелы» Роберта Стивенсона. «Ричарда III» не только постоянно ставили и ставят во многих театрах мира, его экранизировали не менее пяти раз (дважды в 1955 г., затем в 1995, 2005 и 2007 гг.). В 2012–2016 гг. снят сериал «Пустая корона» по историческим драмам Шекспира, куда вошли его три пьесы о Войнах Роз. «Черную стрелу» снимали шесть раз: в 1912, 1947 и 1985 гг. в США, в 1985 г. в СССР, в 1959 г. во Франции и в 2006 г. в Италии. Произведения Филиппы Грегори были адаптированы в Великобритании в двух телевизионных сериалах: 10-серийной «Белой королеве» (2013) и 8-серийной «Белой принцессе» (2017).

Уже в XVIII в. как реальные исторические перипетии, так и их художественное воплощение вдохновляли художников и граверов Губерта-Франсуа Гравелота, Уильяма Хогарта, Джона Норткота, Иосию Бойделла, Генри Трешема, Генри Хаукинса, Джона-Августина Аткинсона.

В XIX в. эта линия была продолжена картинами, книжными иллюстрациями, гравюрами Филиппа Якоба Лютербурга, Уильяма Блейка, Чарльза Лесли, Абрахама Купера, Поля Делароша, Теодора Хильдебрандта, Уильяма Дайса, Уильяма Уиндаса, Джеймса Дойла, Ричарда Бурчета, Джозефа Кронхайма, Фредерика Хита и Джона Петти, Томаса Брауна и Джона Хьюстона, Джона Гилберта, Джона Эверетта Милле, Педру Америку, Филиппа Кальдерона и даже карикатурами Джона Лича.

В XX в. к ним добавились произведения Ричарда Вудвилля, Эдмунда Блейр-Лейтона, Генри Пейна, Эрнеста Баарда, Стефена Рида. Великолепными художественными историческими реконструкциями военных и мирных сюжетов являются работы современного британского художника Грэхема Тёрнера.

В наше столетие в восприятие Войн Роз привнесен игровой элемент. По мотивам этих событий созданы несколько настольных стратегических игр («Richard III: The Wars of the Roses», «Crown of Paper», «Wars of the Roses: Lancaster vs. York», «Sun of York», «Crown of Roses», «Wars of the Roses 1455–1487», «Blood & Roses») и настольная ролевая игра «Dark Albion: The Rose War». В 2011–2017 гг. шведская компания Fatshark выпустила

и поддерживала онлайн-игру «War of the Roses». К игровой составляющей можно добавить и фестивали исторических реконструкторов, ежегодно проводимые в местах наиболее известных битв периода Войн Роз.

Конечно, отражение реальных исторических событий в этих книгах, театральных постановках, фильмах, картинах и играх порой весьма специфично и подчас далеко от действительности. Однако их количество свидетельствует о неослабевающем интересе к данному периоду истории и наличии потребности, пусть порой и не до конца осознанной, разобраться в том, «как было на самом деле». Немаловажно отметить, что практически во всех произведениях, вне зависимости от жанра и вида, присутствует интерес к социальным аспектам.

Если в художественных или изобразительных произведениях он более или менее очевиден (развитие сюжета всегда происходит в обществе), то, скажем, в играх, кажется менее заметным. Тем не менее, несмотря на то что основной составляющей в них остается рекреация, любопытно обнаружить даже тут присутствие социально-исторических мотивов. Например, в игре «Бумажная корона» (Crown of Paper), изданной в 2010 г., участникам предлагается командовать войсками «от имени» более чем 120 реальных исторических личностей второй половины XV в., среди которых, наряду с королями и лордами, есть рыцари и даже сквайры.

Таким образом, актуальность темы Войн Роз не вызывает сомнений. В обществе сохраняется запрос на объективное и всестороннее изучение их истории.

Событийная сторона войн изучена достаточно полно, по крайней мере на уровне политики национального масштаба, чего нельзя сказать об истории социальной. В историографии даются различные оценки характера этих событий: от династического конфликта и кровавой файды до гражданской войны. В основном предпринимаются попытки дать общую характеристику происходящих изменений в обществе за тридцать с лишним лет, однако исследованиям либо не хватает конкретики, либо же приводимые факты имеют иллюстративный характер, демонстрируя, по мнению авторов, наиболее яркие примеры значимых социальных феноменов. В первом случае речь идет о социальных слоях в целом, во втором — об отдельных участниках

конфликта, причем преимущество отдается представителям высших слоев. Первым часто не хватает конкретики, тогда как вторые относятся к биографическому жанру. Для получения более объективных данных необходимо сочетание этих двух подходов: масштабные исследования, основанные на конкретном фактическом материале.

Преодолеть сложившееся противоречие между событийной историей войн и рассматриваемыми на их основе тенденциями общественного развития может максимально возможное по широте изучение фактов участия в них конкретных представителей различных групп. Однако решение данной проблемы сопряжено с рядом объективных и субъективных трудностей. Прежде всего, необходимо проведение тотального исследования социальной ситуации в Англии не только во второй половине XV в., но и в предшествующие этому периоду десятилетия, а также в последовавший за ним период ранних Тюдоров. Для этого должны быть аккумулированы данные колоссального числа локальных исследований. Кроме того, как обычно бывает при изучении средневековой истории, изучение социального характера Войн Роз сталкивается с узостью источников базы. Задача проследить историю каждого дворянского рода, каждого среднего и малого города Англии или каждой сотни выглядит объективно почти неосуществимой.

Тем не менее, возможен иной способ исследования социальной истории Войн Роз. Это выявление социального ядра участников конфликта. За каждым сословием, стратой или социальной группой стоят конкретные люди, вовлеченные в систему связей и отношений с другими людьми, группами или слоями. Изучение их участия в событиях прошлого позволяет оценить модели социального поведения, характерные для отдаленной эпохи, восприятие современниками происходящих событий и реакцию на них. Любой социум имеет свою структуру, и для выявления происходящих в его недрах процессов иногда достаточно бывает обратиться к анализу ее ядра. Конечно, в этой ситуации возникает другой вопрос — о средствах и методике выявления параметров самого этого ядра.

По нашему мнению, необходимо выделить два направления работы. Так как рассматриваемые события (несмотря на то, что их характер является предметом научного обсуждения)

сопровождались военными столкновениями, первым из них будет определение социального облика участников 16 сражений Войн Роз. Именно участие в них было одним из главных и неизбежных проявлений активности. Вторым направлением работы является анализ социального состава лиц, объявленных парламентами государственными изменниками за участие в политических событиях. Эти решения были наиболее ярким отражением политической борьбы — другой стороны конфликта. Объединив эти два направления, можно будет наглядно (статистически) увидеть степень участия социальных слоев и графств Англии в социально-политической борьбе.

Очевидно, что выделенные две группы лиц не охватывают даже всех активных участников Войн Роз. Однако исследование требует четких критериев, которые делают возможным статистический анализ и придают количественным выводам больше объективности. Ведь, как известно, условность количественных данных, дошедших до нас от эпохи Средневековья, является одной из основных проблем медиевистических исследований. Представляется, что участие в сражениях и признание изменниками было самым ярким доказательством вовлеченности людей в события конфликта. Все-таки в их рядах оказалась большая часть лиц, относящихся к изучаемой нами группе.

Кроме того, мы рассмотрим участие в Войнах Роз этих реальных представителей основных сословных групп английского общества и выявим основные модели их поведения.

В социологии понятие *модели социального поведения* основывается на «понимающей социологии» Макса Вебера и, в частности, на его учении об «идеальных типах». Социологию ученый представлял как науку, стремящуюся «понять социальное действие и тем самым казуально объяснить его процесс и воздействие». В его интерпретации поведение «всегда является собой для нас действие одного или нескольких отдельных лиц», а социальным оно является, если «по предполагаемому действующим лицом или действующими лицами смыслу соотносится с действием других людей и ориентируется на него»¹.

¹ Вебер М. Избранные произведения / пер. И. М. Левиной. М., 1990. С. 602–603, 613.

Вебером была разработана ставшая классической типология моделей социального действия (поведения)¹, которая включает четыре типа: 1) целерациональную модель, основанную на рациональном осознании целей и средств их достижения; 2) ценностно-рациональную модель, базирующуюся на безусловной вере в ценность определенного поведения, независимо от того, к чему оно приведет; 3) обусловленную преобладанием чувств аффективную модель; и 4) традиционную модель, в основе которой лежит привычка.

В дальнейшем социологами разрабатывались и другие типологии моделей социального действия. Немецкий ученый Юрген Хабермас, основываясь на трудах Вебера, разработал собственную теорию коммуникативного действия, выделив другие четыре идеальных модели: 1)teleologическую, предполагающую выбор между различными вариантами действий; 2) модель, регулируемую социальными нормами; 3) драматургическую модель, направленную на самопрезентацию и формирование определенного образа; 4) коммуникативную модель, направленную на достижение общей цели как минимум двумя акторами.

Хотя все предложенные Ю. Хабермасом модели являются социальными (в веберовском понимании), не каждая из них в полном смысле слова выступает групповой. Данные модели лежат в основе нескольких влиятельных направлений микросоциологии. Так, драматическая модель была развита в драматургической социологии Ирвинга Гофмана, а модель коммуникативного действия репрезентирована символическим интеракционизмом Джорджа Мида и этнometодологией Гарольда Гарфинкеля².

Таким образом, *моделью социального поведения* является устойчивая последовательность действий отдельного индивида или группы, являющаяся реакцией на данный тип ситуации. Социологически выделяются различные мотивы, определяющие модели социального поведения: эгоистический рационализм, социальная норма, традиция.

Для подобного исследования наиболее приемлемым представляется просопографический метод. В просопографических

¹ Там же. С. 628.

² *Фурс В. Н. Философия незавершенного модерна Юргена Хабермаса.* Минск: Экономпресс, 2000. С. 73–75.

трудах (иначе называемых коллективно- или мультибиографическими) акцент обычно делается на «группах людей, а не отдельных личностях, которые контролируют, формируют или иным образом влияют на дела своих обществ»¹.

Данный метод в исторических исследованиях используется с конца XIX в., прежде всего в Германии. Со второй половины XX в. и особенно с 1960–1970-х гг. количество просопографических исследований во всех странах значительно возросло, что, во-первых, было связано с его эвристическими возможностями, позволяющими пролить свет на малоизученные стороны существования средневекового социума, и, во-вторых, с компьютеризацией, сделавшей обращение к данному методу более доступным технически.

В 1944–1964 гг. во Фрайбурге под руководством Герда Телленбаха защищено около 60 диссертаций по просопографии. В Великобритании классическим просопографическим исследованием стали работы Льюиса Нэмира, посвященные изучению локальных, родственных и деловых связей членов британского парламента XVIII в. в определении их позиций по тем или иным политическим вопросам. На сегодняшний день существуют (в том числе на русском языке) обширные просопографические базы данных позднеримского, византийского и англосаксонского периодов, однако в последнее время началось формирование и позднесредневековых просопографий².

¹ Beech G. Prosopography // Medieval studies: an introduction / ed. J. M. Rowell. Syracuse University Press, 1992. P. 186.

² Martindale J. R. The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. 1–3. Cambridge, 1971–1992; Prosopography of Anglo-Saxon England. URL: <https://web.archive.org/web/20200221162709/http://www.pase.ac.uk/>; Byzantine World. URL: <https://web.archive.org/web/20081218013626/http://www.pbw.kcl.ac.uk/>; Каждан А. П. Социальный состав господствующего класса Византии XI–XII вв. М., 1974; Петрова М. С. Просопография как специальная историческая дисциплина на примере авторов поздней античности: Макробий Феодосий и Марциан Капелла. СПб., 2004; Чекалова А. А. У истоков византийской государственности: Сенат и сенаторская аристократия Константинополя IV – первой пол. VII в.: Учебное пособие. М., 2007; Куц Т. В. На закате империи: интеллектуальная среда поздней Византии. Екатеринбург, 2013; Полехов С. В. Наследники Витовта. Династическая война в Великом княжестве Литовском в 30-е годы XV века. М., 2015.

Для того чтобы проследить тенденции в развитии выделенной нами социальной общности (или, скорее, общностей), была выявлена и сгруппирована информация о различных характеристиках, как правило, находящихся в центре просопографического изучения. Прежде всего, это время жизни, социальный статус и происхождение человека; его семейное положение, родственные и матrimониальные связи; личные и вассально-сеньориальные отношения; карьера, то есть должности, занимаемые в местном и центральном административном аппарате управления, а также при королевском дворе; участие в событиях Войн Роз, то есть основания отнесения лица к изучаемой группе. Установление этих биографических сведений позволяет оценить принадлежность персон к той или иной «партии», выявить возможные причины участия в тех или иных событиях, степень активности, связь фактов национальной и семейной истории. Сквозной анализ полученной информации дает основания для обоснованных типологизаций.

Эта книга — результат исследования социальной истории Войн Роз: в ней проанализирована просопографическая база данных активных участников событий, сформированная на основе всех доступных источников, изучена степень участия важнейших социальных групп в событиях эпохи, выявлены наиболее типичные модели поведения в конкретной среде в условиях социально-политического конфликта.

Первая часть книги касается историографических и источниковедческих предпосылок формирования базы просопографического исследования истории Войн Роз. Во второй части определены подходы, используемые для формирования базы просопографического исследования, выявлена референтная группа, то есть активные участники Войн Роз; дан первичный анализ их социального состава. Третья часть посвящена изучению участия в Войнах Роз представителей различных социальных слоев. Так как в позднесредневековом обществе существовала иерархическая сословная структура, есть основания рассматривать идентифицированных лиц по этим группам: светские лорды, среднее и низшее дворянство, духовенство и горожане. В приложении собрана вся обнаруженная в источниках биографическая информация о рассматриваемых лицах, то есть

приводится необходимая для просопографического исследования база данных.

Эта книга написана на основе докторской диссертации, которая была защищена в 2021 году. Выражаю большую благодарность за советы и помощь, высказанные и оказанные при ее подготовке глубокоуважаемым коллегам Марине Владимировне Винокуровой, Владимиру Александровичу Евсееву, Владимиру Петровичу Митрофанову, Ларисе Николаевне Черновой, Александру Георгиевичу Еманову, Лидии Владимировне Софоновой, Нине Ивановне Девятайкиной, Владимиру Николаевичу Ерохину, Ирине Мариковне Эрлихсон, Елене Михайловне Кирюхиной, Дмитрию Вячеславовичу Кирюхину, Александру Анатольевичу Бельцеру, Владимиру Николаевичу Дряхлову, Марине Владимировне Третьяковой, а также моей семье, и особенно супруге Елене, поддерживавшим меня на всем протяжении работы.

ЧАСТЬ 1

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКАЯ БАЗА ПРОСОПОГРАФИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ВОЙН РОЗ

ГЛАВА 1

ВОЙНЫ РОЗ КАК ОБЪЕКТ НАУЧНЫХ ДИСКУССИЙ И МЕСТО В НИХ СОЦИАЛЬНОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ

1.1. ИЗУЧЕНИЕ ВОЙН РОЗ ДО СЕРЕДИНЫ XX ВЕКА

Если понимать под историографией изучение эпохи с целью установления причинно-следственных связей между относящимися к ней фактами и дальнейшей их оценки, то применительно к Войнам Роз этот процесс начался еще тогда, когда они были далеки от завершения. Как показала Е. Д. Браун, «в течение второй половины XV–XVI вв. представление об истории Англии перекраивалось пять раз»¹.

В то же время иногда даже исторические произведения XVI в. воспринимаются как источники по истории войн, так как они содержат сведения, почерпнутые у современников и очевидцев событий, не дошедшие до нас в письменных памятниках второй половины XV столетия. По крайней мере, таково отношение к трудам Бернара Андре, Томаса Мора, Полидора Вергилия, а иногда даже Эдуарда Холла, Ричарда Графтона и Рафаэля Холлиншеда.

Этот период историографии Войн Роз в равной степени может быть назван гуманистическим, потому что именно в это время в Англии наблюдался расцвет Возрождения, и тюдоровским. Второе определение не просто хронологически связано с правящей династией, но и обусловлено идеологическим запросом власти, который нашел яркое воплощение в этих исторических

¹ Браун Е. Д. Войны Роз: История. Мифология. Историография. М.; СПб., 2016. С. 150.

произведениях. Фактически большинство из них написаны по заказу короны.

Так, в Англию вместе с Генрихом VII прибыл Бернар Андре (1450–1522), который в дальнейшем стал придворным поэтом и наставником двух наследников престола. Его «История жизни и достижений Генриха VII» была начата в 1500 г. во многом с целью обоснования легитимности перехода власти к новой династии¹.

По поручению Генриха VII создал «Историю Англии»² и уроженец Италии Полидор Вергилий (около 1470–1555). Он приступил к работе в 1507 г., а опубликовал ее только в 1534 г. — уже с посвящением Генриху VIII.

«История Ричарда III» Томаса Мора, работа над которой продолжалась приблизительно с 1512 по 1519 гг., знаменательна формированием образа последнего короля из династии Плантагенетов как беспринципного и кровожадного тирана. В юности (до 1492 г.) Мор воспитывался в Ламбетском дворце у архиепископа Кентерберийского и лорда-канцлера Джона Мортон³. Последний был личным врагом Ричарда III, и есть все основания предполагать, что именно он являлся источником вдохновения многих мрачных историй об этом монархе.

Абсолютно апологетичны по отношению к Тюдорам Эдуард Холл (около 1499–1547) в «Союзе благородных и знаменных семейств Ланкастеров и Йорков» (1542)⁴, Ричард Графтон (около 1511–1571) в продолжении хроники Джона Хардин-

¹ Бернар А. История жизни и достижений Генриха VII / пер. с лат., вступ. ст., comment. Д. В. Кирюхин. М.; СПб., 2017. С. 13.

² В работе использованы два перевода истории Вергилия: Three Books of Polydore Vergil's English History, comprising the reigns Henry VI, Edward IV, and Richard III / ed. by H. Ellis. London, 1844; *Polydore V. Anglicus Historia. Latin text and English translation* / ed. and trans. by D. J. Sutton. Library of Humanistic Texts at the Philological Museum of University of Birmingham's Shakespeare Institute, 2005. URL: <http://www.philological.bham.ac.uk/polverg/>

³ Осиновский И. Н. Жизнь и творчество Томаса Мора // Мор Томас. Эпиграммы. История Ричарда III / пер. и ком. Е. В. Кузнецова. М., 1973. С. 150.

⁴ Hall E. The Union of the Two Noble and Illustrre Families of Lancaster and York / ed. by H. Ellis. London, 1809.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru